

М. А. Очир-Горяева

ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИИ В СКИФСКУЮ ЭПОХУ

*(По материалам погребений с предметами узды
и сопроводительными захоронениями коней)*

В процессе сбора и обработки погребений скифской эпохи с предметами узды в составе погребального инвентаря и с сопроводительными захоронениями коней был выявлен ряд черт погребального обряда, которые характеризуют не только роль и место коня в погребальном обряде, но и отражают разницу в ориентации по сторонам света и соответственно в представлениях о местоположении страны мертвых населения различных регионов. Это дает надежду проследить некоторые возможные этногенетические связи кочевников из различных регионов евразийских степей. Анализу были подвергнуты более пяти сотен погребальных комплексов с сопроводительными захоронениями коней и предметами узды из степной части Евразии и более ста погребений без них из Северного Причерноморья, Нижнего Поволжья, Южного Приуралья и Горного Алтая.

Памятники Нижнего Поволжья скифского времени представлены подкурганными захоронениями, датирующимися в рамках конца VI – первой четверти IV в. до н.э. Они встречаются небольшими сериями или единичными погребениями в курганных могильниках в степной и полупустынной части нижнего течения Волги, совпадающей приблизительно с территориями Республики Калмыкия, Астраханской области и левобережной частью Волгоградской и Саратовской областей. На всей этой немалой территории открыто, по моим данным, более трехсот инвентарных погребений¹. Предметы конской узды в погребениях скифского времени Нижнего Поволжья встречаются не часто. Погребений с сопроводительными захоронениями коней в Нижнем Поволжье неизвестно. В настоящее время насчитывается 16 комплексов с предметами конской узды, что составляет примерно 5.3% от общего числа погребений.

Такое соотношение характерно и для других регионов степной Евразии. По сводке «Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья», опубликованной в 1986 г., погребения с сопровождающими захоронениями коней составляли 3.5% на правобережье Днестра, а в Николаевской области – 1%². В Южном Приуралье мной учтено 66 комплексов скифского времени с сопроводительными захоронениями коней и предметами конской узды.

¹ Очир-Горяева М.А. Савроматская культура Нижнего Поволжья (VI–IV вв. до н.э.). Дис. ... канд. истор. наук. Л., 1988.

² Черненко Е.В., Бессонова С.С., Болтрик Ю.В., Полин С.П., Скорый С.А., Бокий Н.М., Гребенников Ю.С. Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. Киев, 1986. С. 352.

В настоящее время там насчитывается около 500 инвентарных комплексов скифского времени. Следовательно, процент погребений с уздой и конями в Южном Приуралье должен составлять около 13% от общего числа погребений. По данным, опубликованным совсем недавно, насчитывается около 600 погребений пазырыкской культуры³. Среди них погребения с захоронениями коней составляют 37.3%. Мною учтено 168 погребений пазырыкской культуры с захоронениями более 200 коней. Таким образом, вопреки представлениям, далеко не каждый кочевник в скифскую эпоху удостоивался чести быть погребенным с конем или уздечным набором. Предметы конской узды по количеству явно уступают другим массовым археологическим находкам, таким, как глиняные сосуды, наконечники стрел, ножи и т.д. В то же время информативность предметов конской узды, как источника, значительно выше. Не говоря уже о том, что во всех регионах погребения с предметами узды являются, как правило, наиболее выдающимися, яркими, элитными комплексами.

Анализ нижеволжских погребений с предметами конской узды показывает, что их можно разделить на три группы: 1) комплексы с предметами конской узды, расположенными в насыпи кургана; 2) комплексы с предметами конской узды, расположенными в погребении; 3) комплексы с предметами конской узды, расположенными рядом с погребением.

К первой группе относится всего лишь два комплекса. В одном случае «клад» бронзовых уздечных блях, в другом случае – зубы лошади с удилами и двумя железными псалиями. Малочисленность находок дает немного оснований для заключений. Оба комплекса находок зафиксированы в насыпи «чужого» кургана, не связаны с определенным однокультурным погребением. Можно только полагать, что это были своего рода поминальники.

Ко второй группе относятся 10 погребений, в которых найдены 4 полных комплекта конской узды и детали от 8 уздечных наборов. В числе предметов конского убранства из погребений второй группы зафиксированы образцы звериного стиля из бронзы и кости, позолоченные изделия и предметы, изготовленные из серебра. В большинстве погребений предметы были положены с северной стороны от погребенного. Уздечные бляхи второй группы украшены в зверином стиле, но в сдержанной манере; все наборы имели в своем составе простые железные псалии и налобники. Условно уздечные наборы второй группы можно определить как бытовые или профанные наборы. Они содержат явно стандартный набор предметов. Общий стиль этих наборов выглядит достаточно функциональным, а предметы в зверином стиле не страдают излишней декоративностью.

Предметы узды из третьей группы насчитывают 4 комплекса. Прежде всего данные комплексы объединяет место положения предметов конской узды. Наборы конской узды были связаны с погребением человека, но расположены были отдельно от него: с северной стороны в специально устроенной яме (Хошеутово), с северной стороны погребения на уровне древнего горизонта (Старица, курган 51), рядом с погребением на северо-восточном борту подбоя (Кривая Лука-III, курган 5). Весьма примечательным является то, что рядом с погребением были положены только предметы конской узды, нет никакого другого инвентаря. Зато количество предметов узды впечатляет: в Старице

³ Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул, 2003. С. 144.

было найдено 7 уздечных бляшек, в Кривой Луке – 21⁴, в Новопривольном – псалии и бляхи от четырех уздечных наборов, всего 29 предметов (Максимов), в Хошеутове – 11 уздечных наборов из более 200 предметов в зверином стиле⁵. Следующая особенность третьей группы комплексов – стилистическое единообразие уздечных украшений. Они разительно отличаются от бытовых или профанных наборов первой и второй групп. Прежде всего это выражается в обилии и разнообразии предметов, оформленных в зверином стиле. Особую пышность придает наборам третьей группы наличие парных зооморфных налобников-наносников, частое сопровождение центрального налобного украшения боковыми налобными бляшками, обилие, порой чрезмерное, нащечных украшений. Важное отличие наблюдается в материале и оформлении псалий. В комплексе из Хошеутова было 11 бронзовых псалиев, а в комплексе из Новопривольного – две пары бронзовых псалиев, украшенных головками животных на концах, в то время как в бытовых профанных наборах первой и второй групп использовались только железные удила и псалии. Особый интерес представляет тот момент, что рассматриваемые нижеволжские наборы уздечных принадлежностей по общему стилистическому облику очень близки наборам из пазырыкских курганов Горного Алтая. Прежде всего это необычайная декоративность, многофигурность предметов в сочетании с гармоничностью взаимосочетания, чрезмерная пышность и фантазийность декора предметов узды. Именно эти особенности позволяют предположить некое необычное использование этих уздечных наборов. Я бы назвала эту группу предметов узды в противовес повседневным профанным наборам «церемониальными».

Традиционным для Нижнего Поволжья является широтная ориентировка погребенного с головой на запад. Предметы узды в погребении расположены во всех известных случаях с северной стороны погребенного. При изменении ориентировки погребенного на противоположную – в восточную сторону – соответственно «переворачивается» весь «микрокосмос» погребения и предметы узды оказывались на южной стороне. Иначе обстоит дело с предметами узды из третьей группы, расположенными за пределами могильной ямы. В могильнике Кривая Лука при перевернутой ориентировке погребенного на юго-восток предметы узды тем не менее были положены вдоль северного борта подбоя. Таким образом, можно констатировать, что расположение предметов узды с северной стороны за пределами ямы сохраняется даже при «переворачивании» погребенного. Этот факт, на мой взгляд, показывает, что предметы узды, положенные в могилу с остальным инвентарем, и предметы узды, положенные отдельно от остального инвентаря, за пределами ямы, имели явно разный статус. Предметы узды, помещенные в могилу вместе с погребенным, скорее всего были принадлежностью человека как его одежда, а предметы узды за пределами могилы были принадлежностью коня, в данном случае символически сопровождавшего своего хозяина.

⁴ Очир-Горяева М.А., Дворниченко В.В. Особенности расположения предметов узды в погребальных комплексах (по материалам могильника Кривая Лука) // Нижневолжский археологический вестник. 2007. Вып. 8. С. 236–246.

⁵ Дворниченко В.В., Очир-Горяева М. Хошеутовский комплекс уздечных принадлежностей скифского времени на Нижней Волге // Донские древности. 1997. Вып. 5. С. 99–116; Ochir-Gorjaeva M. Pferdegeschirr aus Chosheutovo. Skythischer Tierstill an der Unteren Wolga. B., 2005 (Archäologie in Eurasien. Bd 19).

Выявленные закономерности на немногочисленном, но достаточно выразительном материале из Нижнего Поволжья хорошо соотносятся с данными, прослеженными на сотнях комплексов из степных долин Горного Алтая.

В географическом отношении Алтай – это крупный горный регион, образованный многочисленными хребтами, основные из которых вытянулись в широтном направлении. В то же время в западной, а особенно в центральной и юго-восточной частях Алтая значительное место занимают степи, приуроченные к днищам сухих котловин и древним террасам речных долин. Степные пространства Алтая определяют географически как островные, поскольку они не образуют сплошного пояса как остальная часть евразийской степи, а располагаются в виде обширных участков в глубине гор. На южных склонах Алтайских гор господствует резко континентальный климат, здесь произрастает растительность, характерная для каменистых и опустыненных степей. Из-за преобладания сильных ветров и солнечного излучения южные остепненные террасы почти всю зиму остаются свободными от снежного покрова, что создавало условия для содержания скота на подножном корму круглогодично. Именно поэтому археологические памятники Алтая рассматриваются как составляющая часть древностей степного пояса Евразии эпохи раннего железа. Памятники пазырыкской культуры Горного Алтая благодаря выдающимся находкам, сохранившимся в вечной мерзлоте, играют роль символа скифской эпохи Евразии, его визитной карточки⁶.

Как было показано выше, для региона Алтая насчитывается наиболее многочисленная выборка погребений с сопровождающими захоронениями коней. Это первая особенность горноалтайских памятников скифского времени. Уже в раннескифское время такой обычай существовал в довольно устойчивом виде в этом регионе. По последним данным 25% всех погребений раннескифского времени (или бийкенской культуры) Горного Алтая сопровождалось погребениями коней⁷. В целом по Горному Алтаю насчитывается 569 погребений пазырыкской культуры со 135 могильников. В 212 погребениях, что составляет 37.3% от общего числа, были зафиксированы сопроводительные захоронения коней⁸. Имеются и региональные данные. На Средней Катуни, т.е. в центральной части Горного Алтая, погребения с сопровождающими захоронениями коней значительно ниже общего показателя и составляют 15%. О неравномерности распространения погребений с конями свидетельствует то, что на различных могильниках их количество сильно варьирует. На могильнике Кызыл-Джар-1 они составляют всего 10%, а на могильнике из Юго-Восточного Алтая Кок-су – 83%, в курганах Юстыды – 43%, Сайлюгема – 31%, Уландрыка – 55%⁹.

В погребальных срубах пазырыкской культуры погребенные также ориентированы в широтном направлении, но в отличие от Нижнего Поволжья головой на восток, лицом на север. Конские сопроводительные захоронения всегда располагаются за стенкой сруба с северной стороны. В случаях «переворачи-

⁶ Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950; Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.–Л., 1953; Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск, 2001.

⁷ Тишкин, Даишевский. Ук. соч. С. 160.

⁸ Там же. С. 144.

⁹ Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III. Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни. Барнаул, 2004. С. 21.

вания» погребенного, когда менялась ориентировка головой при том же широтном расположении (например, Малталу курган 23, Кок-су курганы 11, 19, 29), то коней укладывали головой в ту же сторону, что и «хозяина», но размещение их с северной стороны сруба сохранялось¹⁰, т.е. место коней на севере в курганах пазырыкской культуры также не менялось в зависимости от смены ориентировки погребенного на противоположную. Получается, если традиционной для пазырыкской культуры было расположение погребенных на правом боку, то для погребений с западной ориентировкой было характерно расположение на левом боку. При этом поворот лицевыми костями на север сохраняется так же, как и в традиционных погребениях. Более того, расположение конской могилы по отношению к погребенному сохраняется с северной стороны, только изменяется ориентировка лошадей также на противоположную. Тот момент, что изменение ориентировки погребенного не изменяло основную планировку погребального сооружения и не меняло «обращенность лицом» погребенного на север, является признаком, что изменение ориентировки в данном случае не принципиально и касается только самого умершего.

В погребальном сооружении пазырыкской культуры кони были самыми крайними в ряду людей и предметов, расположенных с юга на север по мере убывания их важности. Вдоль южной стены в деревянных срубах пазырыкской культуры всегда размещено ложе погребенного, северная половина склепа предназначалась для сопроводительного инвентаря, так называемый «хозяйственный отсек». В случаях коллективных погребений взрослый лежит всегда на юге, а севернее перед ним клали ребенка. Тот же принцип соблюдался при погребении мужчины и женщины. Женщина всегда находится севернее мужчины, а кони еще севернее, за пределами деревянного сруба, т.е. пазырыкцы лежат в одну линию друг за другом с юга на север, младшие «перед очами» старшего, а кони занимают в этом ряду последнее место. О важности нахождения «перед очами» свидетельствует существующее до сих пор устойчивое выражение-благопожелание кочевников Центральной Азии быть всегда присмотренным и не оставленным вниманием старших и предков.

Хотелось бы особенно подчеркнуть, что, несмотря на расположение коней в одну меридиональную линию, они были все же отделены от «хозяина» и клали их за пределами сруба. Соподчиненность конских захоронений подчеркивается тем, что они отделены от погребения людей, занимают самое последнее место по престижности после женщин и детей и «хозяйственного отсека». Кроме того, конские погребения почти всегда расположены на приступке, т.е. несколько выше погребения человека. Только в некоторых случаях, когда погребалось большое количество коней, тогда первый ярус коней укладывался на дно ямы, на уровне сруба, а в остальных случаях кони всегда были расположены выше дна сруба с погребенными людьми. Так, например, в кургане 1 Ак-Алаха-3, первый ярус коней был зафиксирован на глубине –150 от древнего горизонта, а дно могилы в срубе находилось на глубине –280 от древнего горизонта. В кургане 1 Ак-Алаха-5 кони были зафиксированы на глубине –150, а дно могилы располагалось на глубине –200¹¹. Таким образом, можно

¹⁰ Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992. С. 139; Сорокин С.С. Цепочка курганов времени ранних кочевников на правом берегу Кок-су (Южный Алтай) // АСГЭ. 1974. Вып. 16. С. 62–91.

¹¹ Полосьмак. Ук. соч. С. 288–305.

полагать, что могила хозяина всегда была глубже могилы его коня, что можно рассматривать как показатель их различного статуса¹².

Курганы пазырыкцов подчинены той же меридиональной линейности, прослеживаемой внутри погребений. Для пазырыкской культуры характерны маленькие курганы с одним погребением. В основном они расположены в виде вытянутых цепочек по линии север–юг. Встречающаяся иногда не меридиональная ориентация цепочек курганов, как установил П.И. Шульга, является результатом отклонения цепочки, чаще всего на восток. Величина отклонений может составлять от нескольких до 45°, т.е. до линии юго-запад–северо-восток. Как и юрты кочевников, меридиональные цепочки часто идут вдоль (параллельно) течения реки, долины, иногда, наоборот, пересекая долину поперек. Если отклонение ландшафтных структур достигает широтного, то курганная цепочка вновь «возвращается» к меридиональному расположению и занимает перпендикулярное положение к природному объекту. П.И. Шульгой замечено также, что цепочки курганов отклоняются в основном на восток и очень редко на запад. Из более полусотни могильников им названы лишь Уландрык-2, Малталу-4 и Верхний Кальджин-2 на Укоке. Отклонение цепочки на могильнике Верхний Кальджин сказалось не только на ориентации погребенных, но и на цепочке балбалов, отклонившихся к северо-западу¹³.

Наиболее часто цепочки могильников пазырыкской культуры отклоняются к востоку. Вполне возможно, согласно представлениям пазырыкцев, о которых будет сказано ниже, такое отклонение считалось более безопасным. Особенно интересен факт, отмеченный П.И. Шульгой на Туэктинских курганах. С.И. Руденко в свое время отмечал, что могилы и внутримогильные конструкции в Туэктинском 1 и 2 курганах имеют отклонение к югу, а для второго кургана указал величину отклонения – 16°. Именно на 16° отклонена на восток цепочка Туэктинских курганов¹⁴. Этот факт свидетельствует, что пристраивание курганов к цепочке велось в соответствии с заданным первым курганом направлением или ориентацией. Как полагает С.В. Полин, при строительстве скифских курганов оставлялись какие-то «реперы» и применялись некие приспособления типа примитивного циркуля в виде веревки и колышка¹⁵. Иначе трудно объяснить такое точное совпадение оси внутри курганов и расположение всей цепочки.

Исходя из порядка расположения погребенных в могиле по их важности с юга на север, можно предполагать, что меридионально ориентированные цепочки пазырыкских курганов прирачивались с юга, если статус умершего был выше статуса ранее погребенной персоны в этой цепи. Если же статус следующего умершего был ниже, то его курган соответственно пристраивался к цепочке с севера. Исходя из примера с Туэктинскими курганами, надо полагать, что строгая планомерность пристраивания к цепочке была обусловлена более глубокими причинами, чем инженерная точность, а именно представлениями о семейно-родовой иерархии. Эту мысль подтверждает выявленный

¹² Далее будут приведены факты, свидетельствующие, что глубина могил находится в прямопропорциональной зависимости от степени «важности» погребенных в ней людей или животных, или, проще говоря, отражает статус погребенных.

¹³ Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул, 2003. С. 32–33.

¹⁴ Там же. Рис. 60, 4.

¹⁵ Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Герроса IV века до н.э. Бабина, Водяна и Соболева могилы. Киев, 2005. С. 296.

П.И. Шульгой и названный им «принцип перпендикулярности». Как бы ни располагалась цепь курганов, погребенные были положены всегда строго перпендикулярно оси цепи, даже если отклоненность цепи приводила к нарушению ориентации погребенных по сторонам света. Можно также говорить о том, что длинная ось прямоугольных в плане пазырыкских срубов всегда находилась перпендикулярно оси цепочки курганов¹⁶.

Получается, что цепь курганов была вытянута вдоль некоей идеальной линии, по отношению к которой погребенные должны были располагаться только под 90°. Взаимное расположение погребенных в линейных цепочках курганов и следование идеальной линии, по всей видимости, было важнее, чем соблюдение ориентации головой на восток, т.е. ориентации головой на восток пазырыкцы могли придерживаться не строго, а вот порядок «кто за кем» был обязательным. Обязательным было также правильное (в данном случае «перпендикулярное») расположение, как в строю «затылок в затылок», по отношению к линии цепи. Как уже отмечалось выше, этот порядок не сбивался и в случаях «переворачивания» погребенного, когда менялась ориентировка головой на противоположную. Смысл соблюдения этой виртуальной линии становится понятным, если рассматривать цепочку курганов пазырыкской культуры вместе с сопутствующими сооружениями, а именно поминальными кольцами и балбалами.

С западной стороны цепочки курганов на некотором отдалении располагаются так называемые поминальные кольца – выкладки из камней. На один курган приходится иногда несколько, иногда одно поминальное кольцо. Проведен целый ряд полевых исследований, которые показывают, что внутри поминальных колец находят фрагменты керамики, костей, угли, что указывает, что к западу от могилы совершались поминальные тризны и обряды «кормления души». Судя по расположению поминальных колец на западе от пазырыкских курганов, мир мертвых размещался для них на западе. Это положение как будто не оспаривает никто из исследователей. Но в таком случае можно предполагать, что восточная сторона должна быть связана с миром живых. К такой мысли подводят данные этнографической науки о бинарных оппозициях, характерных для архаических культур или бинарной модели мира¹⁷. Система бинарных оппозиций в архаических культурах охватывает ряд парных признаков по принципу под–антипод. С точки зрения архаической культуры один член каждой пары рассматривается как благоприятный (положительный), второй как неблагоприятный (отрицательный). Примерами универсальных (характерных для разных культур) могут служить такие оппозиции как правый–левый, мужской–женский, свой–чужой, сакральный–обыденный, живой–мертвый. Учитывая бинарность модели мира в архаических обществах, можно предполагать, что восточная сторона для носителей пазырыкской культуры так или иначе связана с миром живых. А меридиональная линия, вдоль которой помещались погребенные была как раз линией разделения двух миров. Именно поэтому было так важно соблюдать этот принцип «перпенди-

¹⁶ Шульга. Ук. соч. С. 34–37.

¹⁷ Жуковская Н.Л. Бинарные оппозиции в традиционной монгольской культуре // Искусство и культура Монголии и Центральной Азии. Доклады и сообщения научной конференции. Ч. 2. М., 1983. С. 127–138.

кулярности», чтобы не была нарушена идеальная линия разделения двух миров.

В археологической литературе ведется длительная дискуссия о назначении вертикально поставленных в одну линию камней-балбалов. Ряды балбалов тянутся по тому же принципу «перпендикулярности» на восток от меридиональной цепочки курганов. Если цепочка отклонялась от меридиональной линии, то соответственно отклонялся и ряд балбалов, что лишний раз доказывает их полную соподчиненность общему семантическому порядку, выразившемуся в строгой «архитектурной планировке» могильного комплекса пазырыкской культуры. Существует целый ряд предположений, что могли символизировать ряды балбалов. Но наиболее подходящим при учете бинарной модели мира представляется точка зрения, высказанная В.Н. Ткачевым в статье «Степные ориентиры в кочевой архитектуре Центральной Азии». Подойдя к оценке балбалов с позиций оценки их как средств ориентации, он предположил, что они были предназначены для того, чтобы «повысить ориентационные качества мемориала». Вертикально поставленные балбалы давали первый сигнал о месте расположения памятника, так как прекрасно просматривались издали на ровной поверхности. В пользу важности просмотра ряда балбалов издали говорит отмеченное П.И. Шульгой увеличение высоты балбалов кургана Сентелек, по мере понижения склона компенсирующее перепад высот. Разница между высотой первой стелы и последней, двадцатой по счету, составляла 4 м¹⁸. «В годы с высоким травостоем вертикальные визири не позволяли “тонуть” каменным выкладкам» и указывали «направление подхода процессий, а также подсказывали содержание обряда»¹⁹. Такая интерпретация балбалов вполне логично увязывается с прослеженной выше бинарностью пазырыкского кургана. Живые родственники могли подойти к могиле только со своей «живой» восточной стороны. Восточная сторона – она же и правильная сторона в данном контексте. Тогда легко объясняется высказанное Ю.С. Худяковым недоумение, почему ряды балбалов ставились только у шестой части погребений пазырыкской культуры и почему они поставлены не только у курганов воинов-мужчин, но и женщин и детей. Им приведена цифра, что из 137 раскопанных В.Д. Кубаревым курганов ряды каменных столбиков были обнаружены только у 24 насыпей²⁰. Ряды балбалов лишь указывали ориентир, направление не только к его персональному кургану, но ко всему мемориальному комплексу – цепочке родовых курганов.

Похожие представления прослеживаются по материалам скифских памятников Северного Причерноморья конца VI–IV в. до н.э. Степи Северного Причерноморья относятся к центральной части восточноевропейских степей. Восточноевропейские степи начинаются от Карпато-Дунайской котловины и простираются до Западной Сибири. Восточнее простирается азиатская часть степной зоны, которая заканчивается в Западном Китае. Ф. Ханчар в своей знаменитой книге «Конь в преисторическое и раннеисторическое время» при-

¹⁸ Шульга. Ук. соч. С. 215–217.

¹⁹ Ткачев В.Н. Степные ориентиры в кочевой архитектуре Центральной Азии // Искусство и культура Монголии и Центральной Азии... С. 158–170.

²⁰ Худяков Ю.С. Поминальные памятники пазырыкской культуры Горного Алтая // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996. С. 87.

менил впервые термин «открытые степи»²¹ по отношению к степям между Черным и Каспийским морями, имея в виду, что они не закрыты с севера горами, в отличие от наиболее западных участков степи, закрытых с севера Карпатами, а постепенно переходят в лесостепь²². Протяженность степей Северного Причерноморья от нижнего течения р. Дунай на юго-западе до побережья Азовского моря на востоке составляет почти 1000 км. Ширина степной зоны в западной части достигает 100 км, в восточной – до 300 км.

Количество памятников степей Северного Причерноморья сильно варьирует в хронологическом отношении. По сводке «Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья», опубликованной в 1986 г., коллективу авторов были известны всего более сотни погребений конца VI – V в. Кардинально изменяется число памятников, датирующихся IV – началом III в. до н.э. В степной части Северного Причерноморья по сводке были раскопаны 2300 скифских погребений, датирующихся IV – началом III в. до н.э.²³ К концу V – первой половине IV в. до н.э. относятся всего три «царских» кургана – Солоха (высотой 18–19 м), Двугорбая могила (высотой 5 м), Бердянский курган (высотой 8.5 м). Все остальные, около двух десятков «царских» курганов, датируются в довольно краткий промежуток времени – второй половиной IV в. Началом III в. до н.э. датируются единичные позднейшие скифские курганы, в основном рядового населения.

Мной учтены данные о 67 погребениях с сопроводительными захоронениями коней, а кроме того, 32 погребения с предметами конской узда. В целом получается 99 комплексов, что составляет примерно 3.8% от общего числа памятников, что вполне согласуется с данными, приведенными выше.

В погребальных комплексах классического скифского времени северопричерноморской степи преобладает вытянутое на спине положение погребенных с широтной ориентировкой, чаще всего головой на запад. Курганы в отличие от алтайских курганчиков являлись усыпальницами семейных кланов, содержали многочисленные погребения и представляли собой сложные монументальные сооружения. Стоит только напомнить, что самый большой «царский» скифский курган Александрополь достигал высоты 21 м. Самые глубокие скифские могилы имеют отметки 12–13 м. В то время как один из самых больших алтайских курганов Большой Берельский курган был высотой 6 м. Наиболее глубокое погребение в кургане Шибе достигало глубины 7 м.

Однако за внешними различиями просматривается родственность представлений о мироздании с племенами Нижнего Поволжья и племенами пазырыкской культуры. В Северном Причерноморье так же, как и на Алтае, прослеживается та же меридиональная линейность в расположении погребений. В данном случае – внутри одного кургана. Эта та же меридиональная цепочка, только под одной насыпью. Центральная гробница в скифских курганах расположена всегда в центре. Погребенные в них уложены, как правило, на спине

²¹ В российской археологической литературе этому термину придано иное, образное значение как пространства, удаленные от водных источников, что не соответствует первоначальному смыслу термина и реальной географии. В географической науке нет термина «открытые степи». Чисто логически словосочетание «открытые степи» это примерно то же, что и «гористые горы» или «лесистые леса».

²² *Hancar F.* Das Pferd in prähistorischer und früher historischer Zeit. Wien–München, 1955.

²³ Черненко и др. Ук. соч.

вытянуто, головой на запад. Тогда получается, что впускные погребения расположены как бы «сбоку» центральной с северной или южной стороны. Так расположены погребения в «царских»: Солоха, в Мелитопольском кургане, в кургане Огуз, в Соболевой могиле (п. 2, 5 и центральное), в кургане Деев и в рядовых курганах. Отсюда характерная для украинской археологической литературы терминология – центральная гробница, боковая южная, боковая северная.

При подсчете по месту расположения впускных погребений в скифском кургане получается, что 67.8% погребений расположено в северной и в южной половинах кургана²⁴. Совсем небольшой процент составляют впускные погребения, расположенные в восточной половине кургана.

Если же проанализировать курганы с двумя впускными погребениями, то вторые впускные погребения также в основном расположены в северной или южной половинах кургана. Но почти равную долю с ними (25% от общего числа) составляют погребения, расположенные в восточной половине кургана. Прослеживается тот же пазырыкский принцип нахождения младших перед очами старших, все впускные погребения Северного Причерноморья расположены либо в один ряд с центральным (видимо, если статус в родовой иерархии был равный или близкий), либо в восточной половине кургана (более низкие по статусу), «перед очами» основного и расположенных в один ряд с ним погребенных, положенных головой на запад. В скифских «царских» курганах практически нет погребений в западной половине кургана «за спиной» основного погребенного, там только конские погребения и сопровождающие их погребения конюхов. Подавляющее количество конских могил (72%) в курганах скифов расположены в западной части кургана²⁵.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на еще один факт при анализе пространственно-временной концентрации курганов скифского времени в Нижнем Поднепровье. М. Дараган сделала несколько карт расположения курганов по высоте. Мной было сразу обращено внимание на карту с курганами высотой 15–21 м, т.е. «царских», они расположены также в виде вытянутой цепочки с юга на север в следующем порядке: Огуз, Козел, Солоха, Чертомлык, Нечаева могила, Александрополь²⁶. В свете выявленной закономерности о расположении погребений с равным статусом в одну меридиональную линию факт этот вызывает понятный интерес и требует дальнейшего осмысления.

²⁴ Впускные погребения из западной половины кургана происходят из курганов с «перевернутой», или обратной, планиграфией. Классическим примером «перевернутой» планировки является курган Толстая могила. Впускная могила в западной половине, конские погребения в восточной.

²⁵ Конские погребения с восточной половины кургана происходят из тех же курганов с перевернутой планиграфией. Во всех случаях, при наличии данных, фиксируется ориентировка погребенных головой на юг или восток, т.е. нетрадиционная ориентировка, что, вероятно, послужило причиной нетрадиционного расположения конских и впускных могил в кургане (Толстая могила, Хомина могила основное и северо-восточное, Шевченко-2 к. 1, Стеблев к. 1 п. 2, Владимирова к. 10). По аналогии можно предполагать нетрадиционную ориентировку погребенного вторичного разрушенного погребения в центральную гробницу Братолюбовского кургана.

²⁶ Дараган М. Возможности современных ГИС технологий при изучении пространственно-временной концентрации курганов скифского времени в Нижнем Поднепровье // Der Skythenkongress. Reitenomadische Eliten der Eurasien Steppe. В., 2007. С. 37–42.

В скифских курганах Северного Причерноморья соблюден также и принцип «перпендикулярности», прослеженный в Горном Алтае. Многие скифские курганы были окружены кольцевым рвом и валом по внешнему краю рва. Эти конструкции имели, как правило, с восточной и западной сторон два разрыва, так называемые перемычки. Входы или перемычки всегда расположены в одну линию с центральной осью основного погребения. В литературе уже отмечалось, что длинная ось входной ямы центрального погребения в скифском кургане ориентирована в створ с проходами во рву и находится на одной прямой с ними. В соответствии с расположением проходов намечались и места укладки вала выкида из могилы, в котором в соответствующих местах также оставлялись проходы²⁷. При разметке контура рва, как полагают специалисты, применялся примитивный циркуль в виде веревки и кола. Например, некоторая скошенность контуров центрального погребения Соболевой могилы объясняется необходимостью коррекции ее ориентировки по перемычкам рва²⁸. Если учитывать, что погребения расположены в одну меридиональную линию, то перемычки во рву, подобно балбалам, и длинная ось погребения расположены по отношению к ней перпендикулярно, так же, как и срубы пазырыкской культуры. Мною замечено, что на этой же перпендикулярной линии, как правило, расположены и погребения коней. Длинная ось конских погребений также всегда находится в створе с центральной могилой и перемычками во рву. В некоторых случаях зафиксирована даже так называемая погребальная дорожка, ведущая от западной перемычки к могиле. Конские погребения расположены именно на этой дорожке. Исходя из этих наблюдений, я полагаю, что пустая могила с юго-запада центральной могилы в кургане Желтокаменка была предназначена для погребения коней. В пользу этого свидетельствует и ее незначительная глубина (1.99 м), вполне обычная для конских могил. Возражения С.В. Полина²⁹, что яма имела расширяющиеся книзу, так называемые колоколовидные стенки, более характерные для человеческих могил, явно не перевешивают двух веских аргументов: местоположение могилы и ее типичная для конских могил глубина.

Идеальная меридиональная линия в скифских курганах так же может отклоняться, как и цепочки пазырыкских курганов. Если длинная ось центрального погребения была направлена не строго по линии запад–восток, проходы во рвах соответственно смещались, тогда получалось, что ровно на столько же градусов смещается идеальная меридиональная ось скифского кургана. Например, в Соболевой могиле и в Желтокаменке перемычки расположены на северо-востоке и на юго-западе. В Толстой могиле сохранилась только восточная часть рва, перемычка расположена на северо-западе. Примеров незначительного отклонения от географического запада–востока довольно много. С.В. Полин полагает, что это могло быть связано с точками восхода и захода в период строительства погребального сооружения³⁰.

Около разрывов во рву с западной стороны находят следы поминальной тризны, состоящей из фрагментов амфор и костей животных, среди которых преобладают кости коня. Иногда следы тризны прослеживаются по всему периметру кургана, как, например, в кургане Бабина могила, но все же наиболь-

²⁷ Мозолевский, Полин. Ук. соч. С. 296.

²⁸ Там же. С. 98.

²⁹ Выказано в устной беседе.

³⁰ Мозолевский, Полин. Ук. соч. С. 296.

шее скопление всегда у западной перемычки рва – выхода, ведущего на запад. Получается, что и «кормление души», поминальные тризны происходили так же, как у пазырыкцев, – на западе. Соответственно мир мертвых для скифов Северного Причерноморья, также ассоциировался с западной стороной. Восточная перемычка была направлена в восточную «живую» сторону и, по всей видимости, служила указателем правильного и безопасного подхода к могиле предка во время последующих посещений кургана. Таким образом, прослеживаются те же принципы, как и у населения горных долин Алтая.

Идеальная меридиональная линия в скифском кургане так же разграничивала два мира, как и в пазырыкских курганах. Вот почему впускные погребения в центральную гробницу в скифских курганах вносились в курган по линии север–юг. С северной поры кургана прокапывался длинный до 20 м дромос, который шел строго по границе между двумя мирами и заканчивался входом в центральную камеру. Такой дромос был проложен в кургане Желтокаменка, в Александропольском кургане, в кургане Братолюбовка. В кургане Огуз длинный дромос был проложен с юга, но также строго вдоль идеальной «разграничительной» линии. В связи с меридиональным расположением дромосов в скифских курганах хотелось бы отметить, что и подземные грабительские ходы были также проложены строго по меридиональной линии. Особое внимание уделил этим грабительским ходам С.В. Полин. Он близко подошел к тому, чтобы признать их следами ритуальных ограблений или подобных ритуальных действий, которые позднее использовались для ограблений с целью наживы³¹. Увязка планиграфии курганов с бинарной моделью мира скифского общества дает дополнительный аргумент о ритуальном характере зачастую необычайно узких и длинных подземных ходов, поскольку они ни разу не нарушили, а очень логично вписываются в строго регламентированный план кургана³².

Расположение конских могил у скифов Северного Причерноморья иное, чем у племен пазырыкской культуры Горного Алтая. Но и это не нарушает прослеженную нами бинарную модель мира рассматриваемых древних этносов. Наиболее распространенным и типичным для Северного Причерноморья является расположение захоронений коней в отдельной яме с западной стороны погребения человека. Складывается впечатление, что конские погребения были в отличие от пазырыкских выведены из линейного ряда, предназначенного для людей, что может указывать на более развитые социальные иерархические институты. По аналогии, как в древности и в эпоху раннего средневековья в Западной Европе княжеские погребения сопровождалась сопогребением коней и собак, а в Новое время животные царствующих особ погребались на отдельных кладбищах, но ни в коем случае в усыпальнице хозяина. При этом был сохранен пазырыкский принцип: кони занимали последнее место по престижности после «хозяйственного отсека». В благодатную, охраняемую взором предков область не попадали только конские погребения

³¹ Там же. Ук. соч. С. 427–445.

³² Дополнительным аргументом являются расположенные в широтном направлении грабительские ходы в кургане 13 Филипповского могильника на Южном Урале, где планиграфия курганов прямо противоположна скифским курганам. Авторы раскопок также склонны интерпретировать эти ходы как ритуальные. Подробнее см. ниже.

и сопровождавшие их погребения «конюхов». Они располагались в западной части кургана, как бы за плечами своего хозяина.

Глубина могил играла у скифов, по моим наблюдениям, важную роль. Хорошо прослеживается это по впускным погребениям. Самым глубоким в каждом кургане, будь он большой или маленький, как правило, было основное погребение. Если глубина основных и впускных погребений от 3–4 м доходит до 12 м глубины и варьирует от кургана к кургану, то самая глубокая конская могила достигает глубины только 2,48 м и остается примерно одинаковой для всех курганов, будь они «царские» или более низкого сословия. В основном они имеют от 0,7 до 1,5 м. В пяти «царских» курганах погребения коней сопровождалась погребениями «конюхов». Могильные ямы «конюхов», как правило, в два раза мельче, чем могилы коней, подчеркивая этим статус людей, в данном случае сопровождавших животных. Таким образом, если просматривать скифские курганы в профиль, то, образно говоря, конские погребения вместе с сопровождающими их «конюхами» занимают так называемые «дешевые места» на галерке.

Дополнительным аргументом могут служить погребения с двумя камерами, из которых именно западная, непрестижная, использовалась для погребального, как его обычно называют «хозяйственного» инвентаря, а восточная для погребения. Самая ранняя такая камера была устроена в кургане Солоха, датирующемся рубежом V–IV вв. до н.э. Центральная гробница в Соболевском кургане также имела две камеры с различным назначением: восточная для погребения, а западная для инвентаря. В Двугорбой могиле (начало IV в. до н.э.) была осуществлена та же идея, но в более сложной форме. От входной ямы центрального погребения отходили сразу четыре камеры, в западных были амфоры с вином, котел с напутственной пищей, повозка, а восточные предназначались для погребенных. Та же идея осуществлена в Бердянском кургане в виде расположенных рядом ям с катакомбами, направленными в разные стороны. Центральная с камерой на восточную сторону содержала захоронение царя, а южная с камерой на западную сторону была предназначена для инвентаря и слуг.

Подводя итог вышеотмеченному, можно сказать следующее. В скифском кургане главные персоны – вожди или цари – находились на границе между мертвым миром и миром живых, они образовывали как бы линию с севера на юг. За их плечами были только кони и «конюхи», а перед их лицами располагались их родственники рангом ниже, и далее на восток за пределами кургана начинался мир живых людей, где проживал народ, соплеменники и кровные родственники. Такая интерпретация планиграфии скифских курганов совпадает с тем, что в религиозных верованиях скифов большое место занимал культ богатыря, вождя, который, как правило, был и основателем рода – первопродком, а также знаменитым богатырем и воином. В результате длительной дискуссии среди скифологов было установлено, что у скифов царь или вождь племени был в первую очередь воином, а во вторую – главным жрецом. Таким образом, политическая и религиозная власть была в руках одного и того же человека или одной социальной высокопоставленной прослойки общества³³. Если развивать эти мысли дальше, то можно понять в какую сторону смотрели скифские каменные изваяния. Скифские каменные изваяния пред-

³³ Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. Киев, 1983.

ставляют собой фигуры воинов в полном боевом снаряжении, с подчеркнутыми половыми признаками. Они изготовлены из гранита, песчаника или ракушечника и изображают грозных властителей. Они одеты в панцири, снаряжены мечом, кинжалом, боевым топором, луком, колчаном, полным смертоносных стрел. На сегодняшний день в Северном Причерноморье известно 79 статуй³⁴. Но ни одна из этих статуй не была найдена в первоначальном положении. Однако можно предполагать с наибольшей вероятностью, что эти каменные изваяния были обращены лицом на восток и установлены на самой вершине кургана, как раз на линии между светлым миром живых и темным миром мертвых.

На памятниках Нижнего Поволжья в силу их единичности погребений в могильниках и впускного характера большинства комплексов не удастся проследить тех закономерностей планиграфии, которые объединяют памятники Горного Алтая и Северного Причерноморья. Однако западная ориентация нижневолжских кочевников роднит их с северопричерноморскими скифами, а наличие церемониальных уздечных наборов и расположение конской узды с северной стороны погребения с горноалтайскими памятниками.

Строгая и последовательная широтная ориентация прослеживается на материалах Семиречья, памятниках сакского и усуньского времени. Знаменитый Бешшатырский могильник располагался в виде двух меридиональных цепочек, тянувшихся с севера на юг, на узкой полосе правобережья среднего течения р. Или, ограниченного с севера горами Шолактау, а на юге – берегом реки. Все большие курганы были окружены кольцевой каменной кладкой и имели с восточной стороны величественные бревенчатые входы-дромосы (высотой до 5 м) в обширные деревянные камеры. Погребальные камеры имели подквадратную форму, ориентированную по сторонам света. Рядовые могильники в Семиречье, как и в Тянь-Шане сакского и усуньского времени, также всегда вытянуты в виде меридиональных цепочек³⁵. Погребенные были похоронены головой на запад, вытянуто на спине, в грунтовых широтно ориентированных ямах. Под одной насыпью иногда располагалось несколько погребений параллельно друг другу с севера на юг, и поэтому авторы раскопок называют их так же, как и на Украине, «южная» и «северная» ямы. В могильниках Кзылауз-3, Калкан-1, 2 и 4 каменные околочурганские кольца имели «входы»-перемычки с западной стороны, обозначенные вырытыми на торец длинными камнями. Большие Бешшатырские курганы также имели «ворота» в каменном вале, к сожалению, в публикации не указано, с какой стороны насыпи³⁶.

Еще одним логическим доказательством широтной ориентации сакских погребальных сооружений являются подземные ходы. У четырех больших Бешшатырских курганов на склонах насыпей с северо-западной или южной стороны наблюдались западины, которые при исследовании оказались входами в подземелья, проходившими в центр кургана к гробнице или образовывавшими под ними разветвленные коридоры. В них были найдены кости животных, в

³⁴ Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М., 2005.

³⁵ Акишев К.А. Культура саков долины реки Или (VII–IV в до н.э.) // Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963. Рис. 8, 11, 47, 73; Табалдиев К.Ш. Новые сведения из области духовной и материальной культуры сакского времени Тянь-Шаня // Древний и средневековый Кыргызстан. Бишкек, 1996. С. 172–184.

³⁶ Акишев. Ук. соч. Рис. 7.

стенах были выкопаны ниши для установки светильников. Высота свода ходов достигала 1.5–1.7 м. На момент раскопок входы, оформленные иногда в виде бревенчатых проемов, были тщательно завалены камнями. Учитывая все это, можно полагать, что основной вход-дромос использовался для вноса покойника. А для последующих, пока не известных нам ритуалов, выкапывались подземные ходы. Подземные ходы проходили в меридиональном направлении по идеальной разграничительной линии так же, как и в скифских курганах. Надо полагать, такое направление, согласно логики, было наиболее безопасным для живого мира и не вторгалось в мир мертвых. Учитывая основательное оформление входов и высоту сводов, совсем необязательную для грабителей, можно считать доказанным ритуальный характер меридиональных подземных ходов в скифских курганах. Как писал А. Акишев, подземные ходы «являются конструктивной особенностью архитектуры Бесшатырских курганов»³⁷.

В отличие от пазырыков скифы, саки и нижневолжские кочевники ориентировали своих погребенных головой на запад. Однако это различие могло и не носить принципиального характера, учитывая, что погребения с перевернутой ориентировкой не всегда влияли на планиграфию погребального сооружения в целом. В качестве примера из этнографии, можно отметить, что среди калмыков бытует мнение: когда они жили на родине в Джунгарии, они хоронили своих покойников головой на восток, а придя на Волгу, стали хоронить их головой на запад, чтобы погребенные были направлены лицом на родину предков. В то же время самоубийцы хоронят головой на восток, поскольку они не закончили круг своей жизни. Складывается впечатление, что ориентировка головой погребенного в конкретную сторону света не играет столь решающей роли в культурно-этническом отношении, как принято думать среди археологов. Принципиальной была ориентация погребального сооружения в целом, соподчиненность его элементов друг другу и подчиненность общей идее.

На этом фоне контрастными кажутся особенности расположения конских погребений и планиграфия курганов кочевников еще одного степного региона – Южного Приуралья. В собранной мной выборке из Южного Приуралья насчитывается 68 комплексов, из них 14 комплексов с захоронениями коней, остальные с предметами узды³⁸. По всем признакам планиграфия курганов кочевников Южного Приуралья выражает иную концепцию, чем у скифов, саков, племен пазырыкской культуры и нижневолжских кочевников. Сопровождающие захоронения целых коней совершены с южной стороны могилы, на уровне древнего горизонта, на краю могилы. В тех случаях, когда это зафиксировано, кони были взнузданы и положены на живот с подогнутыми ногами, т.е. была предпринята имитация положения живых лежащих коней. Головой кони всегда были ориентированы строго на север, в сторону могилы своего хозяина. В силу разрушенности погребений ориентировка погребенных известна только в двух случаях – в обоих случаях погребенные были ориентированы головой на юг. В двух случаях погребенных сопровождали по одному коню, в одном случае – два коня. В кургане 8 могильника Пятимары зафиксировано максимальное количество коней – пять. К разряду парциальных сопро-

³⁷ Там же. С. 74.

³⁸ *Очир-Горяева М.А.* Погребения с сопровождающими захоронениями коней и предметами конской узды скифской эпохи Южного Приуралья // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2006. Вып. 3–4. С. 107–122.

вождающих захоронений коней отнесены случаи, когда в южной части кургана, иногда с некоторым отклонением на восток, на уровне древнего горизонта были обнаружены скелеты и кости крупных частей лошадиных туш (костные останки от нескольких до 20 особей), разложенные не перекрывая друг друга узкой и длинной полосой, тянущейся в одну линию. Мною учтено восемь комплексов с парциальными захоронениями коней. Погребения в большинстве случаев были разрушены грабителями, поэтому установить ориентировку погребенных не удастся. Однако все могилы за исключением ямы из кургана 1 Покровка-2 имели дромос с южной стороны, что, как правило, соотносится с южной ориентировкой погребенных.

Судя по тому, что как целые, так и парциальные захоронения коней были расположены с южной стороны кургана на уровне древнего горизонта и то, что парциальные погребения сопровождаются сложенной в кучку неподалеку уздой, можно предположить, что оба типа являются разновидностью одного и того же обряда. Все кони, и те, что были положены в погребальные комплексы целыми и взнузданными, и те, чьи части туш без соблюдения анатомического порядка были разложены в поле кургана, были предназначены для сопровождения погребенных в потусторонний мир. К ним же можно присоединить комплексы с предметами конской узды, положенными в южной части кургана на древнем горизонте без захоронения коня. Захоронения коней обоих видов явно различались в статусе. Полные захоронения коней были расположены на южном краю могильной ямы хозяина, а парциальные и предметы узды без захоронения коня за пределами глиняного валика, отделяющего центральную часть кургана с основным погребением, в южной поле кургана. Закономерность расположения коней и конской узды в южной части кургана была установлена также при статистико-комбинаторной обработке погребального обряда кочевников Южного Приуралья В.Н. Мышкиным. Полученные результаты были представлены автором в виде схемы планиграфии кургана³⁹.

В погребениях предметы узды располагались в ногах, в изголовьи или рассредоточенно. В 18 из 27 погребений с известной ориентировкой погребенные были положены головой на юг. Налицо убедительное преобладание южной ориентировки над западной среди погребений с предметами узды. В ряде случаев в одной и той же могиле погребенные были уложены по-разному: один головой на восток или запад, другой на юг (Ново-Кумак-2 курган 26 погребение 2⁴⁰, Бес-Оба курган 4)⁴¹. Разгадку такого явления подсказывает расположение трех воинов по периметру квадратной ямы-углубления на уровне древнего горизонта вокруг основного погребения в кургане 1 могильника Сын-тас⁴². Кроме того, в целом ряде погребений Филипповского могильника в центре могильной ямы были зафиксированы квадратной формы глиняные

³⁹ Мышкин В.Н. Погребальный обряд кочевников Южного Приуралья VI–IV вв. до н.э. как исторический источник. Дис. ... канд. истор. наук // Архив ИА РАН Р-2542. 1999. С. 261. Табл. 51.

⁴⁰ Смирнов К.Ф. Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977. Рис. 17, 2.

⁴¹ Кадырбаев М.К. Курганные некрополи Верховьев реки Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 84–93.

⁴² Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Захоронения воинов савроматского времени на левобережье р. Илек. Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976. С. 137–156. Рис. 1.

«очаги-жертвенники», вокруг которых, по всей видимости, располагались погребенные. При этом специалисты полагают, что в ряде погребений очаги из материкового грунта просто не сохранились⁴³.

Получается, что для выяснения планиграфии погребального сооружения важным является расположение и ориентировка прежде всего коней и предметов узды, находящихся за пределами погребения человека, в надмогильном пространстве. Как показывает анализ комплексов Северного Причерноморья и Нижнего Поволжья, узда в могиле относилась к человеку как его личная вещь и не играла определяющей роли в общей планиграфии кургана. Захоронения коней и узды, положенная отдельно от могилы человека, были одним из составляющих элементов планиграфии погребального комплекса в целом. Если в курганах Южного Приуралья кони всегда обращены мордами на север, а погребенные ориентированы в основном на юг, то получается, что кони расположены как бы «сзади» хозяина и «смотрят» в том же северном направлении. Такая схема взаиморасположения в одну линию совпадает с взаиморасположением коней и «хозяина» в степном Северном Причерноморье у скифов. Разница состоит только в том, что у скифов конские захоронения располагаются на западе, мордой на восток, «хозяева» коней ориентированы головой на запад, соответственно они «смотрят» на восток. Таким образом, видим, что в Северном Причерноморье они ориентированы в широтном направлении, а в Южном Приуралье–Зауралье в меридиональном направлении.

Особенностью погребальных памятников Южном Приуралья является довольно сложная организация надмогильного пространства. В насыпях курганов встречены каменные выкладки в виде колец, иногда просто наброски камней в центре насыпи. Целый ряд курганов имели труположения и трупосожжения на уровне древнего горизонта. Центральное погребение (яма и дромос) имело прямоугольное низкое сооружение, либо перекрытие из бревен, либо деревянное сооружение шатровой конструкции. При этом дромосы ям почти всегда направлены с юга. Центральная часть кургана в ряде случаев была отделена валом из материковой глины с разрывом с южной стороны. Следы тризн в южноприуральских курганах пока зафиксированы только однажды. В кургане 5 могильника Березки-1 тризна была совершена на деревянном перекрытии и в кольцевом рву вокруг погребения с северо-западной, северо-восточной и юго-восточной сторон. Тризна состояла из небольших скоплений костей лошади и крупного рогатого скота. Скопление костей с юго-восточной стороны совпадает с расположением парциальных захоронений коней. В любом случае понятно, что тризна была расположена в северной и, возможно, в южной половине кургана, а не западе, как в скифских курганах⁴⁴. В кургане 13 Филипповского могильника были обнаружены подобные скифским и сакским узкие и длинные подземные ходы с западной и с восточной сторон. Авторы раскопок склонны интерпретировать эти ходы как ритуальные. Такие же ходы с запада, востока и с севера были зафиксированы в цар-

⁴³ Яблонский Л.Т., Мещеряков Д.В. Загадка тринадцатого Филипповского кургана // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Сб. статей в честь 70-летия А.Х. Пшеничного. Уфа, 2006. С. 41.

⁴⁴ Скарбовенко В.А. Погребальный комплекс эпохи раннего железа в кургане 5 могильника Березки 1 // Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья. М., 2005. С. 381–393.

ском кургане 1 того же могильника⁴⁵. Интересно, что подземные ходы были прорыты, за исключением одного, не в меридиональном направлении, как у скифов и саков, а с точностью до наоборот – в широтном направлении⁴⁶. Не это ли указывает на то, что «разграничительная» линия между миром живых и мертвых для южноуральских кочевников пролегла в широтном направлении?

Расположение конской узды и сопровождающих захоронений коней за пределами погребения, в южной половине кургана характерно также для целого ряда культур раннескифского времени⁴⁷. Предметы узды памятников алды-бельской культуры раннескифского времени Тувы расположены в южной половине внутри оградки, окружающей основное погребение, или под камнями оградки. А. Грач называл их ритуальными «кладами». Однако наличие в этих ритуальных «кладах» только предметов конской узды, вернее предметов одного уздечного набора, позволяет видеть в них скорее символическое погребение коня⁴⁸. Четырнадцать коней, сопровождавших «царское» погребение алды-бельской культуры Тувы-Аржан-2, были расположены на древнем горизонте с юго-восточной стороны основного погребения, т.е. тоже в южной половине кургана. Кони были положены в один ряд, не перекрывая друг друга, так же, как парциальные захоронения в южноприуральских погребениях, мордами направлены на северо-запад (к могиле хозяина).

Погребенные царь и царица были уложены на левом боку в слегка скорченной позе, головой в северную сторону, параллельно длинным стенкам сруба, ориентированного по линии северо-запад–юго-восток⁴⁹. Сопровождающие погребения коней ныне выделенной для раннескифского времени Горного Алтая бийкенской культуры также расположены с южной или юго-восточной стороны могилы человека⁵⁰. Могильные ямы рядовых погребений алды-бельской и погребения бийкенской культуры Горного Алтая ориентированы также по линии северо-запад–юго-восток. Такое расположение ям можно рассматривать и по-другому, а именно как ориентированные углами по сторонам света. При таком понимании один угол был направлен строго на север, а другой строго на юг. Впускные погребения алды-бельской культуры локализируются южнее основного, внутри или снаружи каменной оградки, как бы следуют за ним. Цепочки курганов в Уюкской долине царей так же, как и на других алды-бельских могильниках, расположены в направлении запад–восток⁵¹ и могут показывать, что они были выстроены вдоль линии, прямо противоположной линии пазырыкцев, скифов, саков и кочевников Нижнего Повол-

⁴⁵ Пшеничнюк А.Х. Раскопки «царского» кургана на Южном Урале (препринт доклада). Уфа, 1989.

⁴⁶ Яблонский, Мещеряков. Ук. соч. С. 8–45.

⁴⁷ Михайлов Ю.И. Особенности погребального обряда предскифских и раннескифских комплексов VIII–VII вв. до н.э. в степной зоне Евразии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. 7. Материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск, 2001. С. 408–413.

⁴⁸ Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. С. 25, 221. Рис. 83, 1–2.

⁴⁹ Čugunov K.V., Parzinger H., Nagler A. Der skythische Fürstengrabhügel von Aržan 2 in Tuva // Eurasia Antiqua. 2003. 9. S. 145. Abb. 31.

⁵⁰ Тишкин, Дашковский. Ук. соч. С. 151–152.

⁵¹ Грязнов М.П. Курганы Аржан. М., 1980. Рис. 1.

жья⁵². Получается, что раннескифские материалы демонстрируют разнообразие меридиональной ориентации. По данным кургана Аржан-2 можно взять на себя смелость и предположить, что алды-бельцы ориентировались на местности, обратившись лицом на север. Так, все мужские погребения в этом кургане были расположены на восточной стороне кургана, а все женские – на западной. Царица из основного погребения находилась также с западной стороны. Согласно бинарной символике мужская сторона всегда находится справа, поскольку правое, мужское, свое имеет антиподом левое и женское, чужое. Плиты с петроглифами с восточной стороны каменного кольца, своего рода алтарь, находились также на мужской, правой, своей (правильной) стороне.

Получается, мы имеем редкую возможность фиксации двух типов ориентации, отразившихся в погребальном обряде в чистом виде. По материалам лингвистики и фольклора специалистами прослежены различные позиции для ориентации на местности, сохранившиеся у многих народов в пережиточной форме: лицом к восходящему солнцу, лицом к полуденной стороне (солнце в зените), лицом к полуночной стороне (Полярная звезда), лицом вверх⁵³. Например, у тюрко-монгольских кочевников евразийских степей известно два варианта ориентации по сторонам света. Первый вариант – ориентация по восходящему солнцу, т.е. на восток. Если стоять, обратив лицо на восток, то сзади оказывается земля, где солнце исчезает, умирает, и там находится мир мертвых. При такой ориентации все, что находится на востоке обозначается словом впереди. Те реки, которые текут с востока на запад, считаются несчастливými или неправильными. На берегах этих рек устраивали моления по умершим и даже молились в сторону запада, обращаясь к умершим предкам. Реки, текущие на восток считаются, напротив, счастливыми, благодатными⁵⁴. Второй вариант – ориентация по солнцу в зените. Если стоять, обратив лицо на солнце в зените, тогда за спиной человека оказывается холодная земля, сторона, на которой солнце никогда не светит, вполне логично, что она воспринималась как задняя, потусторонняя сторона. Монголоязычные народы называют север ар юзг – задняя сторона, в фольклоре враги приходят, как правило, с задней недружественной стороны. Наряду с общими пространственными представлениями фиксируются явления четко разграничивающие тюркоязычных и монголоязычных кочевников. У монголоязычных народов юрта ставится входом на юг, а у тюркоязычных – входом на восток. Ориентировка жилищ по сторонам света строго соблюдалась и воспринималась в качестве этнической самоидентификации. Как полагают специалисты, сходство конструкции переносного жилища – юрты – обусловлено сходством экологических условий и хозяйственной деятельности обеих групп народов, а различие в пространственной ориентации объясняется длительным параллельным развитием разных этнокультурных и языковых традиций⁵⁵. Приведенный при-

⁵² Цепочки курганов в Семиречье и на Алтае были вытянуты зачастую поперек узких горных долин и рек, что лишает силы аргумент, согласно которому цепи алды-бельских курганов, в том числе аржанского комплекса, следуют ландшафту вытянутых в широтном направлении долин.

⁵³ Кононов А.Н. Способы и термины определения стран света у тюркских народов // Тюркологический сборник. 1974. М., 1978. С. 72–83.

⁵⁴ Сембин М. «Мир мертвых» в фольклоре тюркских народов и его отражение в топонимике // История и археология Семиречья. Алматы, 1999. С. 97–102.

⁵⁵ Викторова Л.Л. Монголы. М., 1980. С. 48–60.

мер из этнографии тюрко-монгольских народов ни в коем случае не должен рассматриваться как попытка идентифицировать археологические памятники с позднейшими конкретными этническими группами. Это просто наглядный способ показать значимость подмеченных закономерностей для изучаемых нами археологических культур.

Основным конкретным итогом изучения особенностей погребального обряда археологических культур степной зоны Евразии стало выявление двух блоков культур. К первому блоку культур мной отнесены археологические культуры с широтной ориентацией погребальных сооружений. Это памятники скифов, саков и пазырыкской культуры Горного Алтая. К первому блоку присоединены памятники скифского времени Нижнего Поволжья, которые обнаружили одинаковую с Северным Причерноморьем ориентировку и положение погребенных и одинаковое с Горным Алтаем расположение уздечных наборов, символизирующих захоронение коня за пределами ямы с северной стороны. Ко второму блоку культур отнесены памятники с меридиональной ориентацией погребальных сооружений. Это памятники только одного региона – Южного Приуралья. Как аналогия меридиональной ориентированности привлечены памятники восточного ареала степной Евразии раннескифского времени. Выявленные закономерности в пространственной ориентации погребальных сооружений населения степной зоны Евразии позволяют осмыслить и логически объяснить ряд деталей погребального обряда (последовательность сооружения курганов и погребений, назначение балбалов, характер подземных ходов, место и роль конских сопроводительных захоронений), которые оставались дискуссионными из-за неполноты источников одного конкретного региона. Панорамное рассмотрение более пяти сотен памятников синхронных культур из степной зоны позволило дополнить недостающие звенья в цепи доказательств и выявить еще один аспект в культуре древних кочевников Евразии.

CHARACTERISTIC FEATURES OF THE BURIAL RITE
OF EURASIAN NOMADS IN THE SCYTHIAN EPOCH
(*Burial Complexes with Harness and Horses*)

M. A. Ochir-Goryaeva

The author undertakes an analysis of burial monuments in five regions of Eurasia of the Scythian time: the North Pontic area, the Lower Volga region, the Southern Urals, the Semirechye region and the Highland Altai. She explores various types of correlation between the position of horse graves and harness in the upper part of the complexes and the «master's» grave, additional graves and remnants of funeral feasts. Special attention is paid to the constructions around the kurgans, such as stone circles and rows of vertical stelae. As a result, she reveals two types of orientation used by the nomads of the Scythian epoch.